

Трансформационный потенциал сравнительных оборотов обратно пропорционален степени их идиоматизации: большей трансформационной свободой обладают свободно-синтаксические сравнительные обороты; им уступают сравнительные фразеологические сочетания.

Источник

1. Антология современной литературы Белгородчины. – Белгород, 1993. – 92 с.
2. Молчан Н.В. Благослови, Господь. – Белгород, 2004. – 296 с.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Бабаков В.Г., Семенов В.М. Языковые контакты: заимствование морфем // RES LINGUISTICA. Сборник статей. М.: Academia, 1999. – 336с.
3. Книжное обозрение. М., 1990. – 389 с.
4. Стернин И.А. О понятии “языковое сознание” // Язык и национальное сознание. Вып. 5. – Воронеж, 2004. – 183 с.

Н.Н. Кузнецова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.ХОДАСЕВИЧА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Оренбургский государственный педагогический университет

Как концептуальная, так языковая картина мира базируются и строятся на постоянных компонентах, образующих сетку координат. Для концептуальной картины мира такими константами будут универсальные категории – время, пространство, изменение, причина, число, судьба и др. Языковая же картина мира опирается на опорные, ключевые лексемы, и именно через них она проявляется, становится более зримой, определенной.

При лингвистическом исследовании творчества того или иного поэта в целом наибольший интерес, на наш взгляд, представляет изучение именно его образа мира – всегда неповторимого, отражающего, с одной стороны, личные особенности, а с другой – специфику времени, эпохи.

У одних поэтов картина мира меняется на протяжении творчества, у других – остается неизменной; в одних случаях она последовательно и отчетливо проявляется, в других – завуалирована и требу-

ет привлечения знаний из других сфер жизни (так, например, в произведениях А.Вознесенского очень часто мы можем встретить термины, образы и ассоциации, связанные с архитектурой).

Образ мира Владислава Ходасевича, проявляющийся в его произведениях, по нашему мнению, представляет собой цельную и ясную языковую картину мира, которую мы можем обозначить и исследовать.

Двумя противоположными полюсами здесь являются смерть и жизнь. Однако, в отличие от традиционной расстановки сил, смерть является положительным членом противопоставления, жизнь – отрицательным: *Грубой жизнью* (здесь и далее выделено мною – Кузнецова Н.Н.) *оглушенный, Нестерпимо уязвленный, Опускаю веки я – И дремлю, чтоб легче минул, Чтобы как отлив отхлынул Шум земного бытия* (176).

Уже в возрасте 21 года В.Ходасевич пишет в одном из ранних стихотворений: *Я к вам пришел из мертвенной страны* (14).

Во многих произведениях поэт мечтает о смерти, призывает ее: *Нижутся задумчивые петли, На крючок посмотришь – все желтеет кость, И не знаешь, он придет ли, нет ли, И какой он будет, долгожданный гость* (104) (перифраз: долгожданный гость – смерть); *Порок и смерть! Какой соблазн горит И сколько нег вздыхает в слове малом!* (196); *Играю в карты, пью вино, С людьми живу – и лба не хмурю. Ведь знаю: сердце все равно Летит в излюбленную бурю* (191) (здесь также индивидуально-авторский перифраз – о неизбежности смерти и сладостном ее ожидании).

Наряду со смертью, положительными членами семантической парадигмы являются также:

– сон: *Так! наконец-то мы в своих владеньях! Одежду – на пол, тело на кровать. Ступай, душа, в безбрежных сновиденьях Томиться и страдать!* (109);

– покой (ассоциирующийся у поэта только со смертью): *О, если б в этот час желанного покоя Закрывать глаза, вздохнуть и умереть!...* (110); *И ветерка дыханье снеговое, И вечера чуть уловимый дым – Предвестники прекрасного покоя ...* (184);

– ночь: *Хорошо, что в этом мире Есть магические ночи, Мерный скрип высоких сосен, Запах тмина и ромашки И луна* (Прогулка, с. 81). Более того – именно ночь составляет всю жизнь поэта: *О жизнь моя! За ночью – ночь И ты, душа, не внемлешь миру. Усталая! К чему влачить усталую свою порфиру?* (61);

– тишина: *Когда, безгромно вспыхнув, молния Как птица глянет с вышины, Я затаенней и безмолвнее Целую руки Тишины* (Зарница, с. 29); *Хорошо в моей тиши! Сладки снежные могилы!* (45).

Соответственно отрицательными членами противопоставления в языковой картине мира В.Ходасевича будут:

– пробуждение, вынужденное бодрствование, например: ...*Когда же в тоске проснусь, Соединимся мы с тобою снова В нерадостный союз* (109); *День изо дня, в миг пробужденья трудный...* (там же);

– день: *День, раздраженный трубным ревом, Небес раздвинутую синь Заворожи единым словом, Одним движеньем отодвинь* (206); *Имей глаза – сквозь день увидишь ночь, Не озаренную тем воспаленным диском...* (181);

– звуки (то, что вызывает у лирического героя просто физическое страдание, ему не хватает тишины): *Мне каждый звук терзает слух...* (180);

– вообще все земное: *Со слабых век сгоняя смутный сон, Живу весь день, тревожим и волнуем, И каждый вечер падаю, сражен Усталости последним поцелуем. Но и во сне душе покоя нет: Ей снится явь, тревожная, земная, И собственный сквозь сон я слышу бред, Дневную жизнь с трудом припоминая* (105). Жизнь утомляет героя, он изнеможен ею;

– любовь – как главное проявление жизни – также встречает активное неприятие: *Каким неотвратимым взглядом, Являющим жалом, тонким ядом впиалась усталая любовь!* (39); *Лишь молча, зубы стиснув, душим Опять подкрашивуюся к душам Любовь – вечернюю змею* (там же).

Если большинство людей не мыслит своей жизни без любви, то лирический герой В.Ходасевича как бы вынужден быть как все, он “приволочился” вслед за всеми против своей воли; на самом же деле для него это тяжело, неприятно и раздражающе, как в тягость бывают умирающему проявления жизни окружающих здоровых людей: *И я пришел к тебе, любовь, Вслед за людьми приволочился. Сегодня старый посох вновь Пучком веселых лент покрылся* (20).

Однако любовь длится недолго, а любимая женщина ассоциируется с тем, что только приближает конец: *И снова ровен стук сердец; Кивнув, исчез недолгий пламень, И понял я, что я – мертвец, А ты лишь мой надгробный камень* (20).

Времена года, считающиеся нерадостными (осень, зима), ближе лирическому герою В.Ходасевича: *Там круглый год владычествует осень, Там – серый свет бессолнечных лучей* (13).

Весна же и лето как сезоны, ассоциирующиеся с пробуждением и бурным расцветом жизни, встречают неприятие и сарказм: *Не радостен апрель. Вода у берегов Неровным льдом безвременно одета. В холодном небе – стаи облаков Слезливо-пепельного цвета ...Ах, и весна, воспетая не мной (В румянах тусклых дряхлая кокетка!)*... (37). Если говорить о коннотациях, связанных с выделенными лексемами, то все

они, безусловно, выражают отрицательную оценку: ‘безвременно’ сочетается только со словами ‘смерть’, ‘гибель’; ‘холод’, ‘слезы’, ‘пепел’ ассоциируются только с разрушением; употребление же лексем ‘тусклый’ и ‘дряхлый’ применительно к весне явно не в традициях русской поэзии, на что и указывает поэт: дифирамбы этому любимому многими времени года пели другие, не он. Хотя подобное отношение вполне объяснимо: называя весну дряхлой кокеткой, а любовь усталой (в этом же стихотворении), поэт, видимо, говорит не о сути этих понятий, а об их вечном присутствии, о бесконечном повторении и весны, и влюбленности. И каждую весну душа испытывает потребность в любви и, может быть, находит ее, однако очередное чувство не приносит счастья и гармонии лирическому герою В.Ходасевича, только новое разочарование.

Как свидетельствуют приведенные примеры, не всегда в том или ином тексте присутствуют слова, четко указывающие на оценку соответствующего концепта. Очень часто мы можем судить об отношении поэта только по набору положительно или отрицательно окрашенных лексем (может быть, даже не имеющих отношения к данному понятию): *Страна безмолвия! Безмолвно отойду Туда, откуда дождь, прохладный и привольный, Бежит, шумя, к долине безглагольной...*(52) – нет слов, выражающих негативную оценочность, следовательно, данный контекст говорит о чем-то положительном для лирического героя (сладостном отсутствии звуков). Кроме того, по характеру сравнений или метафор: *Дневным сиянием объятый, Один беззвездный вижу мрак... Так вьется на гряде червяк, Рассечен тяжелой лопатой...* (183). Столь непоэтический образ явно свидетельствует о негативном отношении к свету и суете дня.

Таким образом, четкое противопоставление семантических констант в произведениях В.Ходасевича может дать нам представление о концептуальной и языковой картине мира поэта: перед нами, с одной стороны, высоко интеллектуальный и саркастичный, а с другой стороны – чрезвычайно тонко чувствующий все окружающее лирический герой, которому суровая реальность не дает возможности радоваться жизни и который все надежды смириться с действительностью, принять ее связывает только со смертью.

Библиографический список

1. Ходасевич В.Ф. Собрание стихов. – М., 1992.